

Поэтика смыслового расширения. Заметки о словаре О. Мандельштама

Ирина Захаровна Сурат, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва),
i-surat@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030069

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена стихотворению Осипа Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931). Предмет исследования — особенности поэтической семантики Мандельштама, рассмотренные на примере слова «трус». В статье показано, что Мандельштам под давлением поэтической традиции собирает воедино все исторически разошедшиеся значения этого слова, актуализирует его этимологию и религиозный контекст и вступает таким образом в разговор о русской истории с поэтами-современниками, также употреблявшими слово «трус» в его исконном значении, — с Александром Блоком, Анной Ахматовой, Максимилианом Волошиным. Попутно комментируются образы, составляющие ближайший поэтический контекст слова «трус», — образ «волка» и «кровавых костей в колесе», определяются литературные источники этих образов — произведения Шарля де Костера, Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Константина Случевского. Ставится вопрос о возможности перевода полисемантических элементов стиха на иностранные языки, а также вопрос о необходимости «обратного перевода» поэтического текста на язык породившей его эпохи посредством языкового комментария.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мандельштам, поэтика, поэтическая семантика, перевод, смысловое расширение

для цитирования: Сурат И. З. Поэтика смыслового расширения. Заметки о словаре О. Мандельштама // Русская речь. 2024. № 3. С. 67–78. DOI: 10.31857/S0131611724030069.

благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00375 «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода», <https://rscf.ru/project/23-18-00375>.

The Language of Fiction

Poetics of Semantics’ Broadening. Notes on O. Mandelstam’s Vocabulary

Irina Z. Surat, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), i-surat@mail.ru

ABSTRACT: The article is dedicated to Osip Mandelstam’s poem “For the future ages’ resounding glory...” (1931). The research focuses on the features of Mandelstam’s poetical semantics, examined on the example of the word *trus* (coward). The article shows that under the influence of the poetic tradition Mandelstam puts together all the meanings of this word that had traditionally been separated, actualizes its etymology and religious context and engages in a conversation about Russian history with contemporary poets who also used the word *trus* in its original meaning, namely, Alexander Blok, Anna Akhmatova and Maximilian Voloshin. The article also comments on images that make up the nearest poetical context of the word *trus* — “wolf” and of “bloody bones in the wheel”. The paper identifies the literary sources of these images among which are works by Charles de Coster, Dmitry Merezhkovsky, Zinaida Gippius and Konstantin Sluchevsky. The study also

speculates whether it is possible to translate polysemantic elements within a poem into foreign languages, as well as discusses the necessity of a “reverse translation” of the poetical text into the language of the epoch in which it was written by means of a linguistic commentary.

KEYWORDS: Mandelstam, poetics, poetical semantics, translation

FOR CITATION: Surat I Z. Poetics of Semantics' Broadening. Notes on O. Mandelstam's Vocabulary. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 67–78. DOI: 10.31857/S0131611724030069.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of Word Literature RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00375 “Russian literature: the problem of multilingualism and reverse translation”, <https://rscf.ru/project/23-18-00375>.

Речь пойдет об одном из самых известных стихотворений Осипа Мандельштама:

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17–18 марта 1931, конец 1935

Это стихотворение традиционно воспринимается как гражданский манифест — не опубликованное при жизни поэта, оно знаменует решительный разрыв с наступившей эпохой, желание отвернуться от картин распада и насилия, бежать от уродливой социальной реальности в воображаемый прекрасный мир северной природы. Как и парное к нему стихотворение того же времени «Ночь на дворе. Барская лжа...», оно фиксирует настрой весны 1931 г., который вскоре сменится у Мандельштама стихами совсем другого толка и стремлением разделить с современниками радость новой жизни. Такой диапазон мучительных колебаний и несводимых противоречий — характерная черта «поэтической идеологии»¹ Мандельштама с начала 1930-х гг.

Стихотворение подробно прокомментировано, при этом в его семантике остаются темные места; так, по существу не вполне понятна первая строфа — что здесь названо «гремучей доблестью грядущих веков» и почему поэт за нее лишился чести². Кое-что прояснится, если вспомнить обстоятельства крайне тяжелой для Мандельштама истории, разразившейся после выхода в свет издания «Тиля Уленшпигеля» Шарля де Костера в сентябре 1928 г.: на титуле Мандельштам значился как переводчик романа, тогда как на самом деле он сократил и отредактировал чужие переводы. Издательская ошибка дала повод неслыханной травле в литературной среде, сопровождавшейся обвинениями в воровстве и угрозой уголовного преследования³. История длилась полтора года, повлекла за собой разрыв Мандельштама с литературными организациями и нашла художественное отражение в «Четвертой прозе» (1929–1930).

Догадка о связи «Волка» (домашнее название стихотворения) с этой историей была высказана на заре мандельштамоведения [Марголина 1990: 301], сегодня мы можем укрепить ее новыми аргументами. В июне 1929 г. Мандельштам пишет Ахматовой: «Это — последнее разложение. Трусость, ложь, подхалимство. Пусть мне перегрызают горло, но я призываю товарищей спасти честь свою, честь литературы...» [Мандельштам 2011: 484] — так он воспринимает и оценивает поведение ополчившихся на него литераторов и свое место в этой среде. Мы видим, что оценки и ключевые слова переходят из этой записки в стихи — «последнее разложение», «трусость», «честь», а тема перегрызания горла восходит к самому роману Шарля де Костера — к образу человека-волка, перегрызавшего горло своим жертвам. Это сопоставление наглядно демонстрирует разницу между эпистолярным и поэтическим текстами, где слово получает

¹ Формула Е. А. Тоддеса [Тоддес 2019: 338].

² О слове «гремучую» и его смысловых оттенках см. [Кружков 2013: 189].

³ Подробно см. [Нерлер 2014].

совсем иное, более сильное и новое звучание «под влиянием конструктивного фактора стиха» [Тынянов 1977: 254]. Важно расслышать это новое звучание и понять, как и за счет чего происходит смысловое расширение слова в поэтическом контексте.

Речь пойдет о слове «трус» в мандельштамовском стихотворении. При первой его публикации в 1955 г. в составе мемуарной книги Сергея Маковского «Портреты современников» некоторые строки читались не так, как принято в современных изданиях, и слово «трус» стояло во множественном числе: «Чтоб не видеть ни трусов, ни мелкой грязи, / Ни кровавых костей в колесе...» [Маковский 1955: 398]. Маковский ссылается на некую почитательницу Мандельштама, привезшую эти неизвестные стихи из России, и публикуемый им текст, возможно, опирается на какой-то промежуточный вариант, так как содержит в том числе и разночтения, восходящие к ранним, сохранившимся автографам, но не совпадает полностью ни с одним из них.

В последнюю известную нам версию текста слово «трус» попадает в единственном числе, между тем семантическая разница между «трусов» и «труса» очень велика. «Трусами» определенно называют «трусливых людей», тогда как слово «трус» в единственном числе помнит и о других, не актуальных сегодня значениях. Толковый словарь В. И. Даля различает их четыре: 'буря и волнение, лютованье стихий' с пометой «стар.», 'землетрясение', 'трепет, страх и дрожь', 'робкий, боязливый человек и животное' [Даль 1982: 437–438]; толковый словарь мандельштамовского времени под редакцией Д. Н. Ушакова фиксирует омонимы: «трус» — 'робкий, трусливый человек' и «трус» (церк.-книжн. устар.) — 'землетрясение' [Ушаков 1940: 816] — все эти разошедшиеся значения восходят к одному старославянскому корню с семантикой трясения, тряски.

В церковнославянском тексте Евангелия и основанных на нем богослужебных текстах «трус» появляется в контексте апокалиптического пророчества: «Встанет бо язык на язык, и царство на царство; и будут глади и пагуби и труси по местом» («Ибо встанет народ на народ и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам» — Мф 24: 7; то же — Мк 13: 8, Лк 21: 11); «И видех, егда отверзе шестую печать, и се, бысть трус велий, и солнце мрачно бысть яко вретисе власяно, и луна бысть яко кровь» («И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» — Откр 6: 12; то же — 11: 13, 11: 19, 16: 18). Евангельский перечислительный ряд в различных сочетаниях переходит в молитвы Богородице и святым: «Избави <...> от глада, язвы, труса, потопа, огня, меча и иныя казни временныя и вечныя»

(молитва Богородице), «...сохрани святыми твоими молитвами от мирского мятежа, труса, нашествия иноплемеников и междоусобных брани, от глада, мора, огня, меча и напрасной смерти» (молитва Николаю Чудотворцу).

Весь этот контекст вместе со словом «трус» в исконном значении был активно воспринят русской поэзией начиная с XVIII в. — тема *труса, мора, глада* в различных вариациях встречается в самых разных стихах, от поэмы «Ермак» И. И. Дмитриева (1794) до стихотворения «Ангел Реймса» Ольги Седаковой (2003). С особой силой зазвучала тема *труса, мора и глада* в период обострения апокалиптических настроений на рубеже второго тысячелетия и позже, во время Первой мировой войны, революции, Гражданской войны. Остановимся на трех наиболее близких и наверняка известных Мандельштаму стихотворениях.

Александр Блок

Гамаюн, птица вещая
(Картина В. Васнецова)

На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

Пример из Блока интересен упоминанием «казней» рядом с «трусом», «голодом» и «пожаром» — старославянское «казнь» как 'наказание' Блок сдвигает к более узкому, современному, понятному значению; Мандельштам в этой конкретизации «казней» идет еще дальше — «ни кровавых костей в колесе». Возникает вопрос: почему именно колесование, именно этот архаичный вид насилия оказывается у него одним из символов наступившей эпохи? Когда образ не мотивирован изнутри самого текста, стоит поискать его внешний литературный источник. Здесь таковых просматривается минимум три. Первый лежит на поверхности — все тот же «Тиль Уленшпигель», переработка которого стала причиной

травли Мандельштама: колесование наряду с сожжением и другими видами жесточайших казней встречается в романе неоднократно. Мандельштам таким образом выстраивает параллели между современной ему реальностью и средневековой Фландрией, как она описана Шарлем де Костером, — с доносами, несправедливыми судами, страшными пытками и кровавыми казнями.

Второй источник кажется более близким — это стихотворение Зинаиды Гиппиус, написанное в 1916 г., в разгар войны и в преддверии революции⁴:

Кричу — и крик звериный...
Суди меня Господь!
Меж зубьями машины
Моя скрежещет плоть.

Своё — стерплю в гордыне...
Но — все? Но если все?
Терпеть, что все в машине?
В зубчатом колесе?

Это стихотворение Мандельштам не мог не знать — он было напечатано в сборнике «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус» (Пг.: Огни, 1917), в который включено и три его стихотворения наряду со стихами Ахматовой, Блока, Белого; рифму «все — колесе» он повторяет в «Стихах о русской поэзии» (1932) в зловещем контексте: «И белок кровавый белки / Крутят в страшном колесе».

Можно с большой уверенностью предположить, что Зинаида Гиппиус, а за ней и Мандельштам, говоря о гуманитарной катастрофе наступившего времени, опираются в своих видениях на картины колесования в романе Д. С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» (1904–1905) — казни восставших стрельцов на Красной площади с конкретным описанием «кровавых костей в колесе». Мандельштам вообще был очень впечатлен историософскими романами Мережковского, о чем свидетельствуют многочисленные аллюзии в его стихах начиная с 1911 г.; отчасти сквозь призму этих романов он воспринимал александровскую и петровскую эпохи русской истории вместе с петровскими казнями, упомянутыми в стихотворении того же времени: «И для казни петровской в лесу топорище найду» («Сохрани мою речь навсегда...», 3 мая 1931). А само соположение петровских казней с современными поэту

⁴ Цитируем в первопечатном виде; впоследствии стихотворение получило заглавие «Говори о радостном» и посвящение «В. Злобину».

репрессиями отсылает к пушкинским «Стансам» (1826): «В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни: / Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни».

И, наконец, третий текст о колесовании, хорошо известный Мандельштаму, — это стихотворение Константина Случевского «После казни в Женеве» (1881)⁵, где герой после зрелища публичной казни видит себя во сне:

Тяжёлый день... Ты уходил так вяло...
Мне снилось: я лежал на страшном колесе,
Меня корбило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости все...

Это стихотворение Мандельштам особо отметил в имевшемся у него прижизненном издании Случевского [Мандельштам 1999: 287]; как видим, здесь есть и «кости», как в «Волке», и та же рифма «колесе — все», попавшая в «Стихи о русской поэзии». Все приведенные примеры, очевидно, слились у Мандельштама в одну картинку и подсказали ему визуальный образ насилия.

Анна Ахматова вспоминает новозаветное пророчество *труса, мора и глада* в первые дни мировой войны:

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

«Июль 1914»

У Блока — вещая птица Гамаюн, у Ахматовой — «одноногий прохожий» говорят языком Писания о будущем России. В 1921 г. Максимилиан

⁵ За указание на эти стихи благодарим П. Ф. Успенского.

Волошин прибегает к тем же новозаветным мотивам, рисуя Россию как страну уже сбывшегося пророчества:

Свидетели великого распада,
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций.
Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посереде дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол;
Кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом;
И долгом — месть.
Но мы не покорились...

«Потомкам (Во время террора)», 1921

Здесь можно отметить целый ряд параллелей с мандельштамовским «Волком», явных и неявных, — и метафорический «трус», от которого «разверзлись хляби душ и недра жизни», и «кровь», и тема сопротивления «веку». «Великий распад», описанный Волошиным, семантически связан с «трусом» в его исконном значении. Особое внимание обратим на волошинское «стал человек — один другому — дьявол» — за этим стихом стоит известная формула Плавта «Человек человеку волк» (комедия «Ослы»), которая сквозит и отрицается в мандельштамовском «не волк я по крови своей».

Включая в свою картину современности слово «трус» в единственном числе, Мандельштам не мог не ощущать давления поэтической и религиозной традиции, актуализирующей его этимологию. Больше оно в оригинальной поэзии Мандельштама ни разу не встречается. «Трус» — один из примеров того, что Мандельштам воспринимал «слово как образ, то есть словесное представление» («О природе слова», 1921–1922) [Мандельштам 2010: 78], вскрывал его внутреннюю форму и умел собрать в поэтическом контексте все его исторически разошедшиеся значения. Этот пример — иллюстрация тезиса, сформулированного поэтом в «Разговоре о Данте»

(1933): «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» [Мандельштам 2010: 166]. Из слова «трус» действительно «торчит» пучок смыслов, одно значение просвечивает сквозь другое: и трусливый человек, и всеобщий распад, страх и трепет, и историческое потрясение, катастрофа. И это семантически нагруженное слово, отсылающее к церковнославянскому, книжному, религиозному, то есть стилистически возвышенному контексту, Мандельштам ставит в один ряд с разговорным и нарочито сниженным сочетанием «хлипкой грязцы» и шоковым упоминанием «кровавых костей в колесе» — так тремя стилистически контрастными штрихами создается поэтический образ времени.

Словом «трус» Мандельштам вольно или невольно вступает в разговор о русской истории и современности с Блоком, Ахматовой, Гиппиус, Мережковским, Волошиным. В отличие от Блока и Ахматовой, он, как и Волошин, говорит как свидетель о стране, в которой апокалиптическое пророчество сбывается на глазах⁶ (добавим, что вообще в этом стихотворении отмечены также переключки с Пушкиным и Некрасовым, Минским и Надсоном, Гумилевым, Багрицким и другими поэтами).

Как этот объем смыслов можно передать в переводах на другие языки и как это соотносится с современным восприятием? Стихотворение «За гремящую доблесть грядущих веков...», справедливо считающееся «шедевром гражданской лирики» [Аверинцев 1990: 54], переводили лучшие знатоки Мандельштама — Пауль Целан (нем.), Ральф Дутли (нем.), Мишель Окутюрье (франц.), все они разными способами передали слово «трус» («das Kleinmüte», «den Feigling», «le poltron»), но многозначность и самая суть этого корня в их переводах не сохранилась. Владимир Набоков тоже перевел «трус» простым словом «the coward» (англ.), хотя, как носитель русского языка, он понимал неполноту такого перевода и сам на нее указывал в полемике с Робертом Лоуэллом: «Множество слов и выражений в стихотворении имеют двойной смысл (например, слово, переведенное как «coward», является омонимом старого русского “трус”, означающего “quaking — трясение” как в “earthquake — землетрясение”» [Набоков 2002: 582] — и трех английских слов не хватает, чтобы передать полисемантическое слово Мандельштама. Другой носитель русского языка, Аркадий Штыпель, переводит эту строку на украинский так: «Щоб ані страхунів, чи брудної трісці...» — семантику страха он передает прозрачным неологизмом «страхун» (по-украински «трус» — «боягуз»), а семантику тряски — резко окказиональным «трісці» на месте мандельштамовской «грязцы». Таким образом, его перевод оказывается семантически

⁶ Другое мнение см. [Марголина 1990: 309–310].

более полноценным, при этом стилистически сдвинутым относительно оригинала в сторону более экзотического словоупотребления.

Тут уместно напомнить, что Мандельштам скептически относился к возможностям поэтического перевода и никому не советовал этим заниматься, сам же переводил поэзию мало, а с какого-то момента и вовсе перестал. «Вообще стихи переводить не надо. В переводе можно читать только прозу, стихи следует читать только в подлиннике», — говорил он С. И. Липкину [Липкин 2008: 34].

Для современного русскоязычного читателя актуально лишь одно, прямое и привычное, значение слова «трус», а все семантические слои и открывающиеся за ними контексты от него, как правило, ускользают. И это лишь один частный пример того, как изменения в языке определяют восприятие художественного текста. Задача языкового комментария — компенсировать потери и вернуть утраченные смыслы в дополнение к тем новым смыслам, какими прирастают во времени настоящие стихи.

Литература

- Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 5–64.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1982. 683 с.
- Кружков Г. М. «Н» и «Б» сидели на трубе. Два эссе с компаративистским уклоном // Новый мир. 2013. № 5. С. 174–195.
- Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о Семене Липкине. М.: РГГУ, 2008. 474 с.
- Маковский С. К. Осип Мандельштам // Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 375–398.
- Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. 576 с.
- Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011. Т. 1. 2009. 807 с.; Т. 2. 2010. 759 с.; Т. 3. 2011. 943 с.
- Марголина С. Размышления об одном варианте (Стихотворение Осипа Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...») // Континент. 1990. № 62. С. 299–313.
- Мельников Н. (ред.-сост.). Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая Газета, 2002. 704 с.
- Нерлер П. М. Битва под Уленшпигелем // Нерлер П. М. Con amore. Этюды о Мандельштаме. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 85–108.
- Тоддес Е. А. Поэтическая идеология // Тоддес Е. А. Избранные труды по русской литературе и филологии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 338–370.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 754 с.

Тынянов Ю. Н. Предисловие к книге «Проблема стиховой семантики» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 253–254.

References

- Averintsev S. S. [The fate and news of Osip Mandelstam]. Mandelshtam O. E. *Sochineniya* [Essays]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990, pp. 5–64. (In Russ.)
- Kruzhkov G. M. [“N” and “B” were sitting on the pipe. Two essays with a comparative bias]. *Novyi mir*, 2013, no. 5, pp. 174–195. (In Russ.)
- Lipkin S. I. *“Ugl’, pylayushchii ognem...”*: *Vospominaniya o Mandel’shtame. Stikhi, stat’i, perepiska. Materialy o Semene Lipkine* [“Coal burning with fire”: Memories of Mandelstam. Poems, articles, correspondence. Material about Semyon Lipkin]. Moscow, RSUH Publ., 2008. 474 p.
- Makovskii S. K. [Osip Mandelstam]. Makovskii S. K. *Portrety sovremennikov* [Portrait of contemporaries]. New York, Publ. House named after A. P. Chekhov, 1955, pp. 375–398. (In Russ.)
- Mandelshtam N. Ya. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Soglasie Publ., 1999. 576 p.
- Mandelstam O. E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]. In 3 vols. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2009–2011.
- Melnikov N. (ed.-comp.). *Nabokov o Nabokove i prochem: Interv’yū, retsenzii, esse* [Nabokov on Nabokov and others: Interviews, reviews, essays]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 2002. 704 p.
- Margolina S. [Reflections on one variant (Osip Mandelstam’s poem “For the Resounding Valor of the coming Centuries...”).] *Kontinent*, 1990, no. 62, pp. 299–313. (In Russ.)
- Nerler P. M. [The Battle of Ulenspiegel]. Nerler P. M. *Con amore. Etyudy o Mandel’shtame* [Con amore. Sketches about Mandelstam]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014, pp. 85–108. (In Russ.)
- Toddes E. A. [Poetic ideology]. Toddes E. A. *Izbrannye trudy po russkoi literature i filologii* [Toddes E. A. Selected works on Russian literature and philology]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2019, pp. 338–370. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1940. 754 p.
- Tynyanov Yu. N. [Preface to the book “The problem of verse semantics”]. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetich. Historical literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 253–254. (In Russ.)